

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ: 1894–1899 ГГ*

ECONOMIC POLICY IN THE CAUCASUS REGION, SIBERIA AND CENTRAL ASIA THROUGH THE EYES OF RUSSIAN CONSERVATIVES: 1894–1899

A. Kotov

Summary. The article examines the question of the attitude of the Russian conservative publicists of the mid-second half of the 1890s to the economic policy of the government on the southern and eastern margins of the empire (the Caucasus region, Siberia and Central Asia) during the first years of Nicholas II's reign. Particular attention is paid to the views of conservatives about the influence of ethno-confessional and class factors on the colonization of these regions. It is noted that, unlike the western outskirts, where issues of economic expediency were for the conservatives derived from political and national interests, on the outskirts of the eastern economy came to the fore. The ideological struggle comparable to the confrontation of the Polish gentry, the Ostsee knighthood or the nascent Ukrainian nationalism, here did not exceed. The alien factor did not play a significant political role here: the literary struggle against the «alien dominance» broke out only sporadically and did not spread to the broad «indigenous» masses.

Keywords: conservatism, nationalism, Slavophilism, Russification, colonization, the Caucasus, Siberia, Central Asia.

Котов Александр Эдуардович
Д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отношении русских консервативных публицистов середины — второй половины 1890-х годов к экономической политике правительства на южных и восточных окраинах империи (Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии) в первые годы правления Николая II. Особое внимание уделяется представлениям консерваторов о влиянии этно-конфессионального и сословного факторов на колонизацию этих регионов. Отмечается, что в отличие от западных окраин, где вопросы экономической целесообразности являлись для консерваторов производными от политических и национальных интересов, на окраинах восточных экономика выступала на первый план. Идеи борьбы, сопоставимой с противостоянием польской шляхте, остзейскому рыцарству или нарождавшемуся украинскому национализму, здесь не происходило. Инородческий фактор не играл значимой политической роли: литературная борьба с «инородским засильем» вспыхивала лишь эпизодически и не распространялась на широкие «туземные» массы.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, славянофильство, русификация, колонизация, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия.

Изучение истории окраинной политики России в имперский период — одно из наиболее перспективных направлений современной исторической науки. Не считая переизданной работы Б. Э. Нольде [13], в последние десятилетия появилось множество работ, посвященных вопросам управления Кавказом, Сибирью и азиатскими владениями Российской империи, их экономическому и культурному развитию в рамках русского мира [1, 14, 20, 21, 24, 25]. Уделяют внимание исследователи и восприятию «окраинной» проблематики русским обществом — в том числе ощутимо влиявшей на государственную политику его консервативно-националистической частью [5, 22].

Дополнить наши представления об этом восприятии поможет обращение к публицистическому наследию от-

ечественных консерваторов середины — второй половины 1890-х гг. Это был своеобразный период в истории отечественного консерватизма: с одной стороны, консервативный «лагерь» к этому времени потерял своих наиболее ярких и самостоятельных идеологов: И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова. С другой стороны, несмотря на приход к власти нового самодержца, в жизни государства и общества отчасти еще сохранялась инерция «народного самодержавия» Александра III. Иллюзия торжества собственной политической повестки позволяла консерваторам обратиться к экономической проблематике. Между тем, в рассматриваемый период именно в экономической сфере наиболее ярко обозначились неоднозначные последствия того курса, за который славянофилы, «катковцы» и иные представители «русского

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18–18–00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917).

направления» боролись в 1860–1870-е годы: культурной и экономической русификации западных окраин империи, а также активной колонизации ее востока. Осмысление этого опыта не могло не оказать влияния на окраинную политику правительства в начале XX столетия.

Геополитические перспективы и бесчисленные экономические выгоды освоения «восточных» окраин были общим местом русской мысли еще со времен М. В. Ломоносова. Во второй половине XIX века постоянное подчеркивание этой необходимости позволяло в равной степени, и оттенить успехи правительственной политики, и подвергнуть власть критике за недостаточную активность. Впрочем, доставалось в этом отношении и обществу. Так, «Русский вестник» в 1895 г. сочувственно цитировал слова генерала Н. Г. Столетова об «апатичности» отечественных предпринимателей: «Намерение русского правительства — открыть торговые сношения с индийскими народами. Если бы у нас были такие предприимчивые купцы, как в Англии, это давно уже было бы сделано. Но к несчастью, русское правительство должно во всем само брать на себя инициативу [2, с. 305].

Однако итоги русской колонизации Туркестана журнал оценивал в целом оптимистично: «Укрепление на прочном основании производства хлопка в пределах России важно не только потому, что водворяется в стране культура ценного фабричного растения, но еще и потому, что ее успехами обеспечивается независимость нашей хлопчатобумажной промышленности от зарубежных рынков прядильного сырья» [6, с. 370]. В 1894 г. на страницах другого консервативного журнала, «Русского обозрения», вышел ряд публикаций об освоении Туркестанского края, принадлежавших перу Н. Л. Мордвинова. Автор отмечал бурный рост производства в империи хлопчатобумажных тканей, которое в последние годы становилось важной отраслью экономики [11, с. 244]. Вместе с тем, отрасль зависела от импортного хлопка и технологий — дороговизна которых, в частности, была одной из причин низкой заработной платы рабочих. Это придавало Туркестану особенное значение: производство хлопка внутри государства дало бы возможность удешевить сырье и сохранить деньги внутри России. Однако для развития отрасли необходимо было обеспечить Туркестан хлебом с юга России и Кавказа, построив Закаспийскую дорогу [11, с. 250].

Последнюю публицист признавал едва ли не более важной, чем достраивавшаяся в этот период Транссибирская магистраль: «Значение Сибирской железной дороги прежде всего — государственное, духовное; в материальном же отношении великих плодов от нее можно ожидать лишь в будущем» [11, с. 254]. В Туркестане дело обстояло иначе: «Население его нам чуждо по крови и по вере, и рельсовым путем мы не приобщим его к на-

шей духовной жизни, но путь этот тотчас же разовьет несметные богатства, заложенные в почву Туркестана, и окупит сторицею наши затраты на приобретение этой окраины и на управление ею» [11, с. 254]. Итог своим размышлениям публицист сформулировал в следующем афоризме: «Неоценимые богатства Севера — глубокая, трезвая мысль и стойкое мужество его населения, богатства Юга — прекрасные материальные дары его природы; когда обладаешь первыми богатствами, следует взять вторые» [11, с. 255].

Важной проблемой, на которую обращал внимание Н. Л. Мордвинов, был упадок прежних оросительных сооружений после установления в регионе русской власти [11, с. 252]. Подчеркнув необходимость сначала привести их в порядок, и лишь затем создавать новые [11, с. 252], в следующей публикации автор развивал свою мысль: «Пускаться в грандиозные оросительные предприятия, когда мы не справляемся доселе и с незначительными, может быть весьма компрометируемым... Для осуществления грандиозных оросительных сооружений, которые должны удивить всяческие голодные степи, можно мечтать разве только о содействии какого-нибудь английского милорда, которому миллионы до того отравили его существование, что он возненавидел их, отказался от жизни на земле и ищет подвигов или развлечения на воле» [10, с. 299].

Более принципиальные вопросы затрагивались в издаваемом С. Ф. Шараповым «Русском труде». Ситуация в Средней Азии внушала С. Ф. Шарапову серьезное беспокойство. Так, в одной из своих передовиц публицист отмечал «признаки весьма опасные и тревожные»: «До сих пор мусульманская Средняя Азия была действительно мирной страной главным образом потому, что экономически ей было хорошо. Есть данные, что за последние годы это положение изменилось и мусульмане бедствуют у себя не меньше, чем их покорители. Экономический кризис распространился и туда, нужда возбуждает недовольство в фанатическом населении и всегда легко может перейти в бунт. До сих пор Средняя Азия позволяла нам гордиться перед англичанами, ненавидимыми в Индии и всегда усмиряющими разные восстания. Было бы очень грустно, если бы наша экономическая политика создала такое же положение и для нас» [18].

В 1899 г. «Русский труд» писал о завершении Закаспийской железной дороги, требуя дальнейшего ее продолжения — в Индию [19]. В связи с этим газета поднимала вопрос о «благоустройстве» в Средней Азии «почтово-телеграфной части» — «выдающееся значение» которой особенно возрастало вследствие «малонаселенности и отсутствия не только удобных путей сообщения, но даже часто и безопасности» [19]. Газета активно поддерживала ходатайство «группы лиц, принадлежа-

щих к московскому промышленному миру» о «включении Средней Азии в район действия телеграфного тарифа Европейской России» [19].

Годом ранее, в 1898 г., в газете С. Ф. Шарапова был опубликован цикл «Десятилетие поземельного устройства Туркестана», подготовленный Н. А. Дильгенштедтом. Этот писатель и этнограф, состоявший инспектором сельскохозяйственной части при Министерстве государственных имуществ, затронул «простой и несложный», на первый взгляд вопрос «поземельно-податного устройства края». После присоединения региона к России появилась необходимость «размежевать государственные земли от частных владений и обложить последние поземельным налогом в пользу казны». Однако начавшую свою деятельность в 1887 г. «поземельно-податные комиссии» действовали не во всем крае и в принципе не могли решить проблему. Корень последней Дильгенштедт видел в сохранении на присоединенной территории «почти в полной силе» «мусульманского режима» и нежелании новых властей «производить ни в какой области управления, т.е. ни в суде, ни в администрации, ни в поземельном пользовании никаких крутых поворотов». Земля оставалась собственностью правителя. «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. поставило вопрос о поиске свободных государственных земель и юридическом закреплении за «туземцами» тех земель, которыми они владели фактически. Вместе с тем, туркестанская администрация начала борьбу с захватами и «расхищением» государственных земель [16].

Это во многом осложнило колонизацию края: «Энергические меры о незахвате казенных пустошей и каменников больше всего отразилось на русских людях, пытавшихся приобрести земли в Туркестане... С тех пор, как край сделался «русским», расширение всякого рода владений, кроме владений русских, шло безостановочно, беспрепятственно и широко» [17]. «Положение» 1886 г., по мнению Дильгенштедта, закрепляло «преимущество туземцев перед русскими»: «способ приобретения не туземцами недвижимой собственности оказался настолько же затруднителен, насколько этот способ был прост и легок для туземного населения». Усугубляло ситуацию и «охранительное усердие мелких чинов, испугавшихся обвинений в допущении хищений, и к затруднениям закона присоединились еще затруднения от произвола и усмотрений». В целом, публицист высоко оценивал вклад России в развитие Средней Азии: «только с приходом русских оживилась производительность страны и Туркестан стал доставлять не только заметное количество хлопка, но и занялся в серьезных размерах виноградарством, виноделием и другими отраслями культуры». Однако деятельность российской бюрократии в регионе Дильгенштедт характеризовал как «десятилетие недоразумений» [17].

Русский вопрос в связи с вопросом окраинным затрагивался и другим постоянным автором «Русского труда», «Русского вестника» и «Гражданина» — агрономом А. С. Карцовым (братом Ю. С. Карцова — дипломата, публициста, ученика К. Н. Леонтьева и М. Н. Каткова). В обширной статье, посвященной Терской области, автор с прискорбием предвосхищал известный афоризм Ю. В. Андропова: «Мало исследовано русское государство» [8, с. 308]. Анализ проблем одного региона давал Карцову повод поставить вопрос более широко: «Что такое окраины по отношению к коренной России, — если эти составные части Российского государства существуют каждая сама по себе, экономические недуги, переживаемые одной из них, не отражаются и не влияют на друга, взаимопомощь, разумное распределение и соответствие нужд — отсутствуют. Какую пользу извлекает из них многострадальный русский народ, к чему для приобретения их проливалась русская кровь, растратывались способности государственных людей, напрасно изощрялся гений целого ряда выдающихся монархов?» [8, с. 287–288].

«Бессмысленному» русскому колониализму Карцов противопоставлял английский: «Ведь англичане в Индии так хорошо эксплуатируют туземцев, доставляя им по дорогой цене дешевый товар, забирая за бесценок их продукты, заставляя платить огромное жалованье притесняющей их администрации. Хотя мы и не так бессовестны, чтобы поступать подобно им, но неужели настолько глупы, что изображаем для инородцев дойную корову? И тут с прискорбием придется признать, что последнее положение справедливо. Я утверждаю, что окраины вообще, а в частности Терская область экономическим строем своей жизни вредны не только коренной России, но и всему государству. От основательного знакомства с фактами и соответствующего пробуждения энергии зависит создать из нее полезную составную часть империи, или же истощенную, паразитную область, составляющую предмет расходов и тревог для коренной России» [8, с. 288].

Автор, разумеется, настаивал на первом варианте, считая, что на Северном Кавказе следует культивировать не столько хлеб, сколько «специальные культуры»: «Разумной постановкой ее (Терской области — А.К.) экономического быта мы бы устранили в ней опасного конкурента внутренней России в хлебном деле — развитием специальных культур создали бы поприще для помещичьей и крестьянской колонизации, прекратили бы привоз из-за границы множества продуктов и тем улучшили бы наш торговый баланс. Вследствие рациональной эксплуатации ее минеральных богатств (нефтяных) — явилось бы привлечение капиталов, заработок для рабочих, дешевое топливо и освещение для фабрик; целебных — облегчение недугов тружеников русской земли, обширный сбыт

для продуктов местного хозяйства. Преуспевающая область перестала бы требовать доплат из общеимперских доходов, а имея свой собственный, покрывающий местные нужды бюджет, могла бы уделять свой собственный избыток в пользу обездоленных местностей коренной России» [8, с. 308]. Впрочем, и в качестве хлебной житницы Кавказ также казался Карцову привлекательным: «В то время, как в коренной России, вследствие прироста населения, количество свободного хлеба сокращалось, а также и участие ее в общем вывозе, роль экспортера все более и более принимал на себя северный Кавказ, где запашки с 1887 по 1892 год сильно разрослись. А редкое население, давая слабый прирост, могло поглотить только незначительную часть возрастающего производства хлеба» [7, с. 72]. Однако успешная аграрная колонизация порождала новые проблемы. Год спустя, уже на страницах «Гражданина», Карцов отмечал: «В настоящее время дело на Кавказе кипит; промышленное огородничество, под руководством огородников из Ростова-Ярославского, развивается... Дело сулит самые розовые надежды, но среди них является зловещий призрак железных дорог. Что если вместо быстрой доставки возить будут по 14 и более суток... вместо прекрасных продуктов, соперничающих достоинствами своими с заграничными, в столицу будет прибывать товар, годный лишь на составление санитарных протоколов, вместо ожидаемых барышей и сбережений — убытки и неоправданные платежи!» [3]

Консервативно-националистическая печать того времени не могла, конечно же, игнорировать фактор межнациональных отношений. В перечислении консерваторами причин неудач русской окраинной политики «козни инородцев» занимали почетное третье место — сразу после бюрократического энтузиазма и общественной косности. Например, в 1898 г. «Гражданин» опубликовал жалобную корреспонденцию поселившегося в Ашхабаде русского предпринимателя В. В. Жарновецкого. Начинаясь она с бодрой констатации успехов русской торговли: «С проведением Закаспийской военной железной дороги, наш город сделался перевалочным товарным местом по отправке разных мануфактур московского фабричного района в Персию, и там, на рынках северных городов Хоросана и Сегистана, наши купцы с громадным успехом стали ее сбывать, вытесняя аршином оттуда изделия алчного «Джон-Буля!»» Активно начал было внедряться на этих рынках и московский капитал, выдавая кредиты на закупку русских товаров. Однако «закаспийские купцы, побуждаемые жадностью к легкой наживе — смекнули, что здесь еще не введены судебные учреждения, ведающие дела торговой несостоятельности и что по этой причине конкурсного управления учредить нельзя, а потому стали фиктивными сделками переводить свои магазины с товарами, дома и недвижимость на имя жен, родственников и других услужливых «дельцов», лишая таким преступным образом нас, кре-

диторов-фабрикантов, возможности получить удовлетворение по векселям за проданный в кредит товар» [4].

В качестве наиболее яркого примера (возможно, затронувшего интересы и самого автора) приводились некие «братья Богатуровы»: купец Баграт Багатуров купил «в кредит под векселя разного товара» на 85 тыс. рублей, «открыто, всем и каждому видимо, фиктивно перевел магазины с товарами, асхабадский и мервский, на имя своего брата Николая Багатурова, а сам скрылся». Этот пример «так заразительно повлиял на закаспийский купцов, что объясненным образом обанкротились на солидную сумму другие фирмы, но все они преспокойно торгуют и распоряжаются в своих магазинах... открыто насмеваются над нами и таким порядком вполне блаженствуя, вместо того, чтобы сидеть на позорной скамье подсудимых и ожидать от суда приговора за содеянное преступление, а мы, кредиторы-финансисты, глядя на такое явное зло, убивающее нашу промышленность и не встречая законной защиты, вынуждены вовсе прекратить всякие торговые сделки даже с кредитоспособными купцами, но проживающими в Закаспийской области, охраняя себя от совершенного разорения, а персидские рынки по сбыту наших мануфактур теряются бесповоротно» [4].

А. С. Карцов считал «инородческое засилье» системной проблемой. В своем очерке о Терской области он возмущался: «На представителях администрации заканчивается понятие о преобладающем положении коренного русского, о главенстве его в какой-либо области местного труда» [8, с. 289]. Ему вторил С. Ф. Шарапов, описывая свое посещение северокавказского цементного завода «Общества черноморского цементного производства», замечал: «На сделанный директору вопрос, сколько у него на заводе техников-иностранцев, и сколько русских, он чистосердечно объяснил, что русских ни техников, ни мастеров нет вовсе, и что до сих пор не было даже практикантов русских. Да и с какой бы стати было немецкой администрации завода допускать в свою сферу русских людей, могших сделаться конкурентами?» [23, с. 205].

Впрочем, негативные черты образ «инородца» приобретал лишь тогда, когда речь шла о конкуренции между той или иной группой элиты. «Туземное» простонародье, в особенности мусульманское, на страницах русской печати представало скорее в качестве объекта симпатии — пусть и покровительственной. Так, в одном из путевых очерков «Русского вестника» провозглашалось: «Тяжелые жертвы принесла наша доблестная кавказская армия, но русское сердце не горит ненавистью к кавказскому горцу, защищавшему свою родину, свою свободу. Героями дрались наши прадеды, деды, отцы и братья; но и противник был у них народ, завоевавший свою храбростью внимание всего света. Честь и слава обоим!» [9, с. 70].

Еще более благожелательно отзывались «Московские ведомости» о населении Туркестана. Описывая торжества по поводу 29-летия Хивинского похода и панихиду по павшим русским солдатам, газета отмечала: «С живейшим любопытством, без тени неприязни ... смотрели на торжественную церемонию туземцы, собравшиеся живописною громадною толпою и придававшие всей картине оригинальный колорит; в свою очередь, войска, только что лихо прошедшие церемониальным маршем А. Б. Вревским, посматривали на тамыров (приятелей) с дружелюбием, столь свойственным мягкой русской душе. Где же бывшие враги и что означает это празднование? Врагов нет, а празднование означает празднование победы света над мраком, права над бесправием... В этом главный смысл победы, в этом благородство ее значения, в этом объяснение взаимных чувств победителей и побежденных, теперь составляющих одну русскую

семью» [12]. Приведенные нами выдержки из консервативной публицистики середины и второй половины 1890-х годов не охватывают, разумеется, всех аспектов экономической политики на окраинах империи. Тем не менее, они всё же дают основания для некоторых выводов. Если на западных окраинах вопросы экономической целесообразности являлись для консерваторов вторичными, производными от политических и национальных интересов, то на окраинах восточных экономика выступала на первый план. Идейной борьбы, сопоставимой с противостоянием польской шляхте, остзейскому рыцарству или нарождавшемуся украинскому национализму, здесь не происходило. Значимый для «Западной России» инородческий фактор не играл здесь определяющей политической роли: литературная борьба с «инородческим засильем» вспыхивала лишь эпизодически и не распространялась на широкие «туземные» массы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Библиография. Рецензия на книгу: *My Early travels and adventures in America and Asia*. By Henry M. Staley. London, 1895 // *Русский вестник*. 1896. № 1. Современная летопись. С. 304–305.
- Гражданин*. 1897. № 12. 13 февраля.
- Гражданин*. 1898. № 63. 13 августа.
- Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков // *Научный диалог*. 2018. № 6. С. 124–142.
- Из жизни и печати // *Русский вестник*. 1895. № 2. С. 369–370.
- Карцов А. С. Земля и народный труд // *Русский вестник*. 1896. № 1. С. 70–122.
- Карцов А. С. Терская область // *Русский вестник*. 1895. № 3. С. 286–308.
- Кривенко В. С. По Дагестану // *Русский вестник*. 1896. № 2. С. 68–87.
- Мордвинов Н. Л. Еще о Туркестанском хлопке // *Русское обозрение*. 1894. № 9. 295–299.
- Мордвинов Н. Л. Несколько слов об одной нашей культурной задаче // *Русское обозрение*. 1894. № 7. С. 243–255.
- Московские ведомости*. 1894. 3 июля. № 180.
- Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 850 с.
- Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.
- Русский труд*. 1899. 1 мая. № 18.
- Русский труд*. 1898. 9 мая. № 19–20.
- Русский труд*. 1898. 23 мая. № 21.
- Русский труд*. 1898. 6 июня. № 23.
- Русский труд*. 1899. 1 мая. № 18.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 370 с.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 424 с.
- Шарапов С. Ф. По черноморскому побережью // *Русский вестник*. 1895. № 1. 197–217.
- Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.
- Yanchenko D.G., Shorokhov V. A. The Caucasian Policy of the Imperial Power Branches during the First Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2: История. 2017. Т. 62. № 4. С. 674–692.